

ВЛАДИМИР ЮРИНОВ

Дунка

и ...

Владимир Юринов

Динка и...

«Издательские решения»

Юринов В.

Динка и... / В. Юринов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963418-4

Сборник рассказов «Динка и...» предназначен для семейного чтения. «Динка и...» — это двадцать две забавных и в то же время поучительных истории из жизни обыкновенной городской девочки. Весёлое повествование заставляет тем не менее задуматься над вполне серьёзными проблемами, с которыми в повседневной жизни сталкивается ребёнок: налаживание взаимоотношений с родителями и, в целом, со взрослыми; дружба (вражда) со сверстниками; осознание понятий хорошего и плохого в окружающей действительности.

ISBN 978-5-44-963418-4

© Юринов В.
© Издательские решения

Содержание

Обыкновенные истории про обыкновенную девочку	6
Динка и Бонус	6
Динкин склероз	8
Динка и льдинка	11
Динка и странный мальчик	14
Динка и лучик	16
Динка и блинчики	17
Динка и Троянская война	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Динка и...

Владимир Юринов

© Владимир Юринов, 2019

ISBN 978-5-4496-3418-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обыкновенные истории про обыкновенную девочку

Динка и Бонус

На день рождения родители подарили Динке велосипед и большую плюшевую собаку. Велосипед был ожидаемым подарком – из своего старенького «Малыша» Динка давно уже выросла. А вот плюшевая игрушка стала для неё сюрпризом.

– Это – тебе бонус, – сказал папа, вручая Динке собаку. – За хорошее поведение.

Вообще-то, если бы Динка называла собаку сама, то она бы выбрала имя Джек. Но раз уж папа назвал пёсика Бонусом, то пусть так и будет – Бонус. Тем более что имя было необычное, какое-то клоунское, и оно очень точно подходило пёсику – тот был весёлый, вислоухий, с круглыми задорными глазами и озорно высунутым ярко-красным кончиком языка.

А ещё у него в животе была спрятана кнопка. И если на эту кнопку нажать, пёсик начинал забавным мультяшным голосом петь песенку, успевая при этом ещё и звонко лаять:

«Любят собак все де-ети!

Любят всех собак на све-ете!

Весело на всех я ла-аю: гав!

Весело с тобой игра-аю! Гав!

Всё на свете понима-аю!

И никогда не возражаю!

Гав! Гав! Гав!»

Вечером, когда закончился день рождения и Динка ложилась спать, она взяла Бонуса к себе в постель и пристроила его в головах, рядом с подушкой.

– Спокойной ночи, Бонус, – сказала Динка, ласково потрепав пёсика за длинное ухо. – Утром увидимся.

Надо сказать, что спала Динка всегда очень беспокойно. Ей ничего не стоило, например, проснуться утром с ногами на подушке. Или обнаружить поутру своё одеяло и подушку рядом с кроватью на полу. «Одеяло убежало, улетела простыня...» – говорила в таких случаях пришедшая будить Динку мама, и Динка тут же подхватывала: «И подушка, как лягушка, ускакала от меня», – «Мойдодыра» она почти всего знала наизусть.

Вот и в это утро Динка проснулась и не обнаружила на постели своего одеяла. «Ну и ладно! – подумала Динка. – Обойдусь!» и перевернулась на другой бок. И тут же знакомый мультяшный голос прямо у неё под ухом запел: «Любят собак все де-ети!...» Динка от неожиданности подскочила на кровати и окончательно проснулась. И обнаружила, что вместо подушки у неё под головой лежит Бонус.

– Ничего себе! – сказала Динка. – Привет!.. А куда ты мою подушку дел?

В это время в комнату вошёл папа. Глаза у папы были красные, да и весь вид у него был какой-то встрёпанный.

– Дина, солнце моё! – озабоченно сказал папа...

Динка сразу насторожилась. Дело в том, что папа называл Динку «солнце моё» или «дочь моя», или ещё как-нибудь подобным образом, только тогда, когда у него было плохое настроение или когда он был чем-то очень недоволен. Например: «Дина, дочь моя! Ну не мешай, пожалуйста! Ты же видишь – я очень занят!». Или: «Дина, свет очей моих! А почему у тебя опять по математике трояк?!» Когда же у папы настроение было хорошее, он называл Динку как-нибудь весело да ещё зачастую и в рифму. Например: «Динка-картинка». Или даже: «Динка – два ботинка»...

– Дина, солнце моё! – сказал папа. – Могу я попросить тебя об одном одолжении?

– Можешь, – подумав, согласилась Динка.

– Не бери ты больше своего пёсика на ночь в постель. Пусть он ночует где-нибудь в другом месте.

– А что? – удивилась Динка.

– Что? – папа почесал свою и без того лохматую голову. – Да мы с мамой из-за твоего пёсика сегодня всю ночь не спали. Наверно, раз сто эту песенку его дурацкую послушали, – и папа, скривившись так, как будто у него заболели все зубы сразу, фальшивым мультяшным голосом спел: – Любят собак все де-ети! Любят всех собак на све-ете!.. Она у меня до сих пор в голове крутится! Я уже сам к утру чуть лаять не начал!

– Да?! – удивилась Динка. – А я ничего не слышала.

– Нимало не удивлён! – сказал папа. – Если бы я весь день на велосипеде гонял, как сумасшедший, я бы, пожалуй, тоже ночью дрых без задних ног и ничего не слышал... Ну что, договорились?

– Ладно, – сказала Динка, – договорились, – она не любила огорчать своих родителей.

Когда папа вышел из комнаты, Динка укоризненно сказала Бонусу:

– А ты, Бонус, оказывается, хулиган!

Но Бонус явно не чувствовал себя виноватым. Он лежал на спине, растопырив во все стороны свои плюшевые лапы и выставив напоказ мягкий жёлтый живот, как бы приглашая: «Почеши!».

– Нет! – твёрдо сказала Динка. – Играть мы сейчас с тобой не будем. И спать со мной ты тоже больше не будешь! Теперь ты будешь жить... вот здесь!

Она соскочила с кровати, подошла к шкафу и, раздвинув книги, усадила Бонуса на полку.

– ВОТ теперь твоё место! – строго сказала она ему. – И не вздумай обижаться! Сам виноват!

Но Бонус и не думал обижаться. Он по-прежнему весело смотрел на свою хозяйку и всё так же подставлял ей своё восхитительное плюшевое брюшко: «Ну, почеши! Ну что тебе стоит!»

– Ну ладно! – «оттаяла» Динка. – Так и быть. Уговорил, – и она с удовольствием погладила мягкое жёлтое пузцо.

И сейчас же весёлый мультяшный голос задорно затянул:

– Любят собак все де-ети! Любят всех собак на све-ете!..

– Гав! – отчётливо сказал на кухне папа. – Гав-гав!..

Динкин склероз

Динкин телефон зазвонил в 17 часов 38 минут.

– Алё, Динуль, привет! – раздался в трубке весёлый мамин голос. – Я уже отработала и еду домой. Минут через двадцать буду. Надеюсь, ты не забыла про котлеты?..

Динка обомлела. Котлеты! Котлеты!! Как же она могла про них забыть?! Ведь мама, уходя на работу, дважды напомнила ей о том, чтобы она разморозила к ужину котлеты! Динка почувствовала, как у неё в животе взлетели и принялись порхать большие холодные бабочки.

– Да, мама... – сказала она в трубку. – То есть, нет... Ну, это... не забыла. Разморозила.

– Ну вот и умничка! – сказала мамин голос. – Папа только что мне отзвонился, он уже тоже едет домой. Так что можешь накрывать на стол...

Динка отключила телефон и заметалась. Что делать?!.. Что делать?!.. Двадцать минут! Всего двадцать минут!

Она кинулась на кухню и, распахнув холодильник, вытащила из морозилки тарелку с котлетами. Это были не котлеты. Это был большой котлетный камень, к тому же намертво при мороженный к тарелке. Динка чуть не расплакалась. Ну как она могла забыть?! Как?! Она ведь помнила про них. Помнила! Она несколько раз в течение дня про них вспоминала. Но после обеда пришли Сева и Машка с Дашкой и они сели играть в «Морской бой». И все котлеты разом вылетели у Динки из головы. Ну как же так?!.. Нет, не иначе, это склероз! Папа всегда, если что-то забывал, стучал себя кулаком по темечку и, длинно раскатывая букву «р», произносил: «Пр-рокая старость! Пр-рокая склероз!» Динка совсем не чувствовала себя старой, но, наверное, у неё был какой-то особенный организм и склероз начал зарождаться в ней очень рано. Недаром ведь мама всегда говорила, что Динка очень похожа на бабу Ньюру.

– Пр-рокая старость! – вслух сказала Динка и постучала себя по темечку. – Пр-рокая склероз!

Её собственный голос, одиноко прозвучавший в пустой кухне, напомнил ей о том, что она одна и что помощи ждать неоткуда. А времени оставалось всё меньше. Склероз склерозом, а делать что-то было надо. Надо было действовать!

Динка проглотила подступившие к горлу слёзы, мысленно прикрикнула на ледяных бабочек в животе и попыталась придумать какой-нибудь план. Для начала необходимо было отделить котлеты от тарелки. Динкин взгляд упал на плиту. Да! То, что надо! Динка зажгла газ на полную и сунула тарелку на огонь. «Тинь!» – сказала тарелка и треснула пополам. Динка обомлела повторно и быстро выключила газ. Теперь у неё была чистая половинка тарелки и всё тот же котлетный камень, примороженный ко второй тарелочной половине.

– Мамочка! – громко сказала Динка, но тут же взяла себя в руки – мама не поможет. Сама! Только сама!

Она выскочила в коридор и тут же вернулась, держа в руке молоток. Тарелку уже не вернуть, а котлеты от неё отделить всё равно надо. Динка положила котлетный булыжник на стол так, чтобы половинка тарелки была сверху, взяла молоток двумя руками и прицелилась.

Трах! Половина тарелки распалась ещё на две половинки... Трах! От котлет отлепился ещё один тарелочный кусок... Трах!.. Трах!.. Есть! Готово! Осколки – в ведро! Так. Что теперь делать с этой котлетной глыбой?!

Динка сунула котлетный камень в раковину и пустила горячую воду. Быстрее!.. Быстрее!.. Но камень не спешил таять. Вода ручьями стекала с него и, журча, убегала из раковины. Динка нашла пробку и заткнула слив. А потом взяла большую ложку и принялась ковырять ею котлетный булыжник.

Через пять минут от бульжника ничего не осталось. В раковине теперь плавали бесформенные комки котлетного фарша. Динка, вся мокрая от поднимающегося над раковиной пара, взяла дуршлаг и принялась вылавливать их из образовавшегося в раковине котлетного бульона.

Котлеты были разморожены. Но они перестали быть котлетами! Теперь на столе возле раковины лежал фарш. Большая куча мокрого котлетного фарша.

Слепить! Их надо слепить заново!

Динка знала, как надо лепить котлеты. Она не раз помогала на кухне маме. Динка достала большую разделочную доску и принялась за дело. Но фарш, напитавшись водой, лепиться никак не желал. Он прилипал к чему угодно – к рукам, к разделочной доске, к платью, но во второй раз изображать из себя котлеты не хотел ни в какую! Динка даже слегка разозлилась. Ну, ничего, голубчик! Сейчас ты у меня слепишься, как миленький!

Динка достала банку с мукой, открыла её и от души сыпанула на доску. Ну, а теперь как?.. То-то же! Лепишься!.. Лепишься, родной!

Через минуту на доске лежали восемь немножко неровных, но вполне похожих на мамины, котлет. Правда, форму они всё равно держать не хотели. Расплывались. Растекались по доске, выпуская из-под себя маленькие мутные лужицы. Можно было, конечно, добавить ещё муки и всё перелепить по новой, но Динка понимала, что слишком много муки – это тоже плохо. Заметят! Вон, котлеты и так уже слегка посветлели.

Динка посмотрела на часы. Семнадцать пятьдесят три. До прихода мамы минут пять-семь. Ну, от силы, десять!.. А что, если?!..

Динка распахнула холодильник, засунула доску с котлетами в морозилку и включила максимальный режим. Холодильник щёлкнул и тихонько заурчал.

Динка оглядела кухню. Ой-ёй-ёй! В раковине – бульон. На столе – следы фарша. И повсюду – мука. Динка кинулась наводить порядок...

В восемнадцать ноль-ноль она достала котлеты из морозилки. Котлеты были, как котлеты. Они отлично держали форму, вот только сверху были покрыты тонким слоем инея. Но это уже была ерунда! Это уже были мелочи! Динка соображала теперь быстро и чётко. Она метнулась в ванную и через несколько секунд уже стояла у стола, отогревая котлеты маминым феном...

В восемнадцать ноль три щёлкнул замок и мамин голос возвестил из прихожей:

– Динка! Я дома!..

Динка, поспешила в коридор, по пути незаметно вернув фен на место.

– Привет!.. – мама холодными с мороза губами поцеловала Динку в щёку. – Ну что, накрыла на стол?

– Мам, – виновато сказала Динка, – я тарелку разбила.

– Опять? Ну, что ж ты так, неаккуратно?

– Я нечаянно.

– Ну, ничего, бывает, – мама погладила дочь по голове. – Не расстраивайся... Так ты накрыла на стол?

В этот момент дверь распахнулась и на пороге возник папа.

– Ну вот, – сказал папа. – Я тоже дома... О! Чувствую, котлетами пахнет! Никак наша доча приготовила ужин и уже накрыла на стол?

– Пап, – сказала Динка, – а я тарелку разбила.

– Опять? – удивился папа. – Да ты у нас чемпион по тарелочкам! Ты хоть сказала: «На счастье!»?

– Н-нет.

– Ну что ж ты так? – огорчился папа. – Надо было сказать. Всегда, когда что-нибудь разбиваешь, надо сразу же говорить: «На счастье!». Чтобы разбитое зря не пропадало.

– А ты, когда машину побил, успел сказать: «На счастье!»? – спросила папу мама.

– Я бы попросил!.. – сказал папа. – Что за дом?! Чуть что – сразу переходят на личности!.. Ты мне лучше скажи, где мои тапки?!..

Пока мама с папой, шутливо переругиваясь, переодевались и мыли руки, Динка успела накрыть на стол и разогреть котлеты в сковородке, тщательно закопав их в картофельном пюре.

Оставался ещё один критический момент – ужин.

Но за столом всё пошло как нельзя лучше. Мама, сказав, что она решила худеть, и что после шести она теперь не ест, наложила себе на тарелку только салат. А папа, как всегда, орудовал вилкой, о чём-то весело рассказывая и даже не глядя на то, что отправляет в рот.

– Вкусно! – сказал папа, и протянул маме пустую тарелку. – Очень вкусно! Добавка есть? Динка осторожно выдохнула...

Вечером Динка и папа сидели в зале. Папа читал, а Динка смотрела кино. Ей захотелось пересмотреть третью серию «Пиратов Карибского моря». Мама, заявив, что у неё сегодня «спа-процедуры», вот уже целый час плескалась в ванной.

В тот самый момент, когда выросшая в великаншу Калипсо закрутила в море водоворот и два корабля сошлись в бою на краю гигантской воронки, в комнату, держа в руках фен, вошла мама. На её голове было накручено полотенце.

– Динуль, – сказала мама, вертя в руках фен, – а я не поняла, почему это мой фен весь в фарше?

Папа поднял голову от книги.

– Точно! – сказал он и хлопнул себя ладонью по лбу. – А я-то думаю – чем это у меня молоток измазан? Весь в чём-то жирном и, главное, луком пахнет! Это же котлетный фарш!

Папа с мамой посмотрели на Динку. Динка почувствовала, как у неё предательски загорелись уши.

– Дина, дочь моя, – сказал папа и отложил книгу в сторону, – а ты ничего не хочешь нам рассказать?..

Динка и льдинка

Динка вышла во двор мерить лужи.

Накануне она уже мерила лужи вместе с Севой из сорок четвёртой. Сева нашёл самую глубокую лужу во дворе, и поэтому сегодня сидел дома под арестом, а Севины сапоги сушились на балконе.

Несмотря на то, что Сева с Динкой очень старались, всё-таки две большие лужи – с торца дома, со стороны детского сада – остались вчера не промеренными.

Динка как раз стояла на углу и, глядя на раскинувшуюся перед ней длинную и узкую лужу, думала, как её лучше промерить – сразу вдоль или сначала несколько раз поперёк, – когда над её головой вдруг что-то протяжно и гулко загремело, застучало и из водосточной трубы с шорохом посыпалась снежная крупа, а потом полетели и запрыгали по асфальту куски льда и ледяная крошка. Динка удивилась. Во дворе уже давно нигде не осталось ни льда, ни снега, только в узком проходе за трансформаторной будкой, где вечно была тень, ещё лежал весь почерневший, как будто закопчённый, плоский сугроб. Динка шагнула вперёд и подняла самую большую ледышку. Та была размером как раз с Динкину ладонь и по форме напоминала фасолину. Динка стёрла с ледышки налипший на неё снег и поднесла её поближе к лицу. И ахнула.

Внутри льдинки оказалась целая куча самых разнообразных интересных вещей. Там было множество маленьких застывших воздушных пузырьков, которые весело искрились на солнце. Там был золотистый берёзовый лист с загнутыми, как у старинного книжного свитка, краями. Там, наконец, было маленькое, жёлтое с чёрным, – наверное, синичье – пёрышко.

– Ух ты! – восторженно сказала Динка. – Какой богатый внутренний мир!..

Про внутренний мир она слышала от папы. Папа говорил, что богатым внутренним миром обладают те люди, которые много читают, много путешествуют и, вообще, ведут активный образ жизни. А те люди, которые целыми днями сидят перед телевизором, могут узнать только рекламу и прогноз погоды на завтра. Наверняка, эта льдинка не сидела у телевизора, а вела очень активный образ жизни.

– Ты – Льдинка, а я – Динка, – сказала Динка льдинке. – Мы с тобой почти что тёзки. Так что давай дружить.

Льдинка, разумеется, ничего не ответила. Она только таинственно мерцала разноцветными искорками в своей глубине.

Динка достала из кармана варежку, засунула в неё Льдинку со всем её богатым внутренним миром и бегом понесла находку домой.

Динка поселила Льдинку в морозилке – между початой пачкойпельменей и пакетом, в котором мама зачем-то хранила рыбы головы.

Динка навещала Льдинку поначалу часто, чуть ли не каждый день, потом – реже, но никогда не забывала о ней. Было прикольно, придя с улицы, где уже во всю зеленела листва и проворные ласточки строили свои грязевые домики под крышей, достать из морозилки свою собственную настоящую льдинку. Без Динки Льдинка, наверное, грустила, поскольку покрывалась густой изморозью и затуманивалась, делалась непрозрачной. Но стоило только взять её в руки, подышать на неё и немножечко потереть, как она вновь становилась гладкой и блестящей и открывала для Динки свой загадочный ледяной внутренний мир. Правда, долго поиграть со Льдинкой не удавалось – она начинала таять, капать на пол, а Динкины ладошки замерзали и потом ещё долго были красными и похожими на гусиные лапки.

Но однажды, в субботу, Динка пришла домой и увидела, что холодильник стоит распахнутый настезь, все продукты из него свалены на столе, а мама, что-то напевая себе под нос, протирает тряпкой морозилку. Динка, не разуваясь, бросилась в кухню, заглянула маме через

плечо, быстро оглядела стол и подбежала к раковине. На дне раковины ещё лежало несколько маленьких бесформенных кусочков льда, а на боковой стенке висел прилипший мокрый жёлтый берёзовый лист...

Когда домой пришёл папа, Динка сидела в кухне за столом и рыдала в голос.

– Вот те здрастье! – сказал папа. – Это кто у нас тут сырость разводит? По какому поводу слёзы?

Поскольку Динка могла только всхлипывать и звучно икать, рассказывать про погибшую Льдинку пришлось маме.

– Дина, радость моя неопишуемая, – внимательно выслушав всю историю, сказал папа, – а ведь ты не права! – Динка икнула и подняла зарёванное лицо. – Да-да, не права! – подтвердил папа. – Ты ведь, наверняка, помешала Льдинке. Она ведь, скорее всего, собиралась отправиться в путешествие – со своими подружками по ближайшему ручейку поплыть к морю, – а ты схватила её и заперла... в темницу. Представь, если тебя кто-нибудь вдруг схватит на улице, принесёт домой и запрет в тёмном погребе. Да ещё рядом с какими-нибудь рыбьими головами. Или ногами куриными...

Динка честно представила себе такое, и по её спине побежали крупные мурашки.

– А без тебя, – вдохновенно продолжал папа, – она бы отправилась к морю, повидала бы по пути другие страны, а потом, растаяв и испарившись, поднялась в небо, стала облачком и, вернувшись к нам на следующую зиму, вновь выпала бы снегом... Я тебе ещё не рассказывал про круговорот воды в природе?..

Динка шмыгнула носом и замотала головой. Несколько слезинок сорвались с её ресниц и упали на стол.

– Ну ладно, как-нибудь расскажу... – пообещал папа; он подошёл к Динке, достал из кармана платок и поднёс к Динкиному носу – Динка послушно высморкалась. – Так что плакать не надо. Надо радоваться. Тому, что Льдинка вновь увидела свет. Тому, что отправилась в свой путь к морю. Тому, что сбежала наконец из тюрьмы, куда ты её засадила...

– Ой, Лёша, ну ты скажешь! – мама даже всплеснула руками. – Засадила в тюрьму! Никто никого никуда не засаживал. И никакая это была не тюрьма. Правда, Динка? Это был её домик. Не в шкафу же, в самом деле, льдинку держать! Просто наша дочь вступила в тот возраст, когда детям непременно надо о ком-то заботиться...

– Вот! – сказал папа. – Именно! Я давно уже тебе говорю, что одного ребёнка в семье совершенно недостаточно!

– Перестань! – сейчас же сказала мама. – Мы, кажется, с тобой эту тему уже обсуждали...

– Обсуждали, – подтвердил папа. – Но до конца так и не обсудили.

– Перестань! – повторила мама. – Я совсем другое имею в виду. Я говорю про какое-нибудь домашнее животное...

– Только не кошку! – быстро сказал папа.

– Господи, – снова всплеснула руками мама. – Ну чем тебе так кошки не нравятся?!

– Есть причины, – веско сказал папа. – Есть. Богатый жизненный опыт, понимаешь.

– Ну хорошо, – согласилась мама. – Ладно... А если рыбки? Против аквариума с рыбками ты, надеюсь, ничего не имеешь?

– Рыбки?.. – папа почесал в затылке. – А что... По ночам не орут, в тапки не гадят. Нет, против рыбок я ничего не имею.

– Ну вот и славно, – обрадовалась мама и повернулась к Динке. – Динка, хочешь аквариум с рыбками?

– Аквариум?!..

Динка даже забыла икать. Она видела аквариум совсем недавно – дома у Севы...

В большом, подсвеченном специальной лампой, стеклянном кубе, среди причудливых водорослей и удивительных морских раковин плавали всевозможные разноцветные рыбки:

золотистые барбусы, пышнохвостые гуппи, перламутровые неончики. А возле самого дна ходили медлительные вислоусые сомики и потешно фыркали в песок. Названия рыбок сообщил Динке Сева – он занимался рыбками уже целый год. Сева даже разрешил Динке покормить рыбок. Динка сыпала в аквариум корм и наблюдала, как забавно рыбки его глотают...

Динка молчала целую минуту. Папа с мамой терпеливо ждали.

– Нет, – со вздохом в конце концов сказала Динка. – Не надо никакого аквариума. Пусть... Пусть все живут на воле...

Динка и странный мальчик

Динка вышла во двор и увидела незнакомого мальчика. Тот сидел на скамейке возле соседнего подъезда и, держа на коленях электронный планшет, сосредоточенно смотрел в экран.

– Привет! – подходя, сказала Динка. – Я – Динка. А тебя как зовут?

Мальчик поднял голову и некоторое время задумчиво смотрел на Динку.

– Слесарев, – наконец сказал он.

– Нет, – сказала Динка, – Слесарев – это фамилия. А зовут тебя как?

Мальчик ещё немного подумал, а потом решительно сказал:

– Зови меня лучше по фамилии: Слесарев.

– Хорошо, – пожала плечами Динка. – Слесарев так Слесарев. Ты в нашем доме живёшь, Слесарев? Ты из какой квартиры?

Слесарев опять хорошенько подумал.

– Не знаю, – после длинной паузы сказал он. – Пока не знаю... Папа купил все три квартиры на шестом этаже и делает сейчас из них одну. Здесь, – он кивнул на подъезд. – Но мама сказала, что жить в этом богом забытом захолустье она не собирается. Поэтому мы, наверное, скоро опять переедем.

Динка тоже немного поразмыслила. Слово «захолустье» было ей незнакомо, но она решила пока ничего не уточнять. «Вечером у папы спрошу», – подумала про себя Динка, а вслух сказала:

– Может, поиграем?

– А я и так играю, – сказал мальчик Слесарев и приподнял с колен свой планшет. – В «Рейнджер варс». До двадцать третьего уровня уже дошёл. У меня уже шестьсот бонусов за стабильность! А у тебя бонусы есть? Ты на каком уровне?

Динка пожала плечами:

– Я в этот... в рэджер... не умею. А Бонус у меня есть. Пёсик такой плюшевый. Я его Бонусом зову. Он песенки петь умеет.

– А у нас пёс настоящий. Джек. Ротвейлер, – сообщил Слесарев, а потом строго спросил: – Так ты во что тогда играешь? В «Варкрафт»? В «Доту»? В «Танчики»?

– Ни во что, – пожала плечами Динка. – У меня и планшета нет.

– Как нет?! – поразился Слесарев. – У тебя нет планшета?! А что у тебя тогда? Айфон? Смартбук? Ноут?

Динка покачала головой:

– У меня только телефон. «Нokia». Папа говорит, что для ребёнка в моём возрасте телефона более чем достаточно.

Слесарев ошеломлённо смотрел на Динку.

– А мой папа говорит, – наконец опомнился он, – что сейчас с простым телефоном ходят только лохи. Так ты, получается... лох?

– Нет, – возразила Динка. – Лох – это он, мальчик. А я – девочка, она. Значит, я не лох, а... лохиня. Так?..

Слесарев наморщил лоб.

– Ладно, – сказала Динка, – не заморачивайся. Пойдём лучше поиграем. Во что-нибудь настоящее.

– А во что? – спросил Слесарев, откладывая в сторону планшет и слезая со скамейки.

– Пойдём в песочницу, – предложила Динка. – Туда недавно песка привезли. Целую гору! Построим что-нибудь.

Мальчик покачал головой:

– Мама говорит, что в песочницах сейчас собачьих какашек больше, чем песка. И что в них только дебилы играть могут.

– Ну, тогда у нас во дворе все дебилы! – подытожила Динка. – Мы позавчера там все играли. И Соня, и Максим, и Толик из восьмой. И Машка с Дашкой из семидесятой. И Сева из сорок четвёртой. И даже близнецы, Лёлик и Болик, приходили, а они вообще из соседнего двора. И никаких какашек мы, между прочим, там не нашли. Знаешь, как весело было! Мы целый город из песка построили! С башнями, со стенами, с мостами! У нас даже ворота подъёмные были! Совсем как настоящие, как в рыцарских замках!.. Вот только кто-то всё это ночью сломал, – грустно закончила Динка.

Уши у Слесарева порозовели.

– Это – папа, – признался он. – То есть не папа, а Джек. Папа вечером Джека выгуливал... ну и... вот... Джек у нас совсем непослушный. Папа на него и кричит, и бьёт, а всё бестолку.

Динка посмотрела на разорённую песочницу.

– Ну и ладно! – сказала она. – Можно ещё в тысячу других игр поиграть. В прятки, в пятнашки, в пионербол, в «Выше ноги от земли»... А ещё в «Штандер», в «Казачьи-разбойники», в «Садовника», в «Цепи-цепи»... Только в них уже вдвоём не поиграешь – надо ещё хотя бы пару человек.

Глаза у Слесарева были большими и круглыми.

– Я... я в это во всё играть не умею, – пролепетал он.

– Да ерунда! – сказала Динка. – Пойдём научу.

Но научить странного Слесарева Динка ничему не успела. Из подъезда, цокая каблучками, вышла высокая женщина в красном брючном костюме.

– Веспасиан! – строго сказала она. – Я тебе сколько раз говорила, чтобы ты не контактировал с местными детьми!

– Я не контактировал, – робко сказал Слесарев. – Я просто разговаривал...

– Марш в машину! – ещё строже сказала красная дама и, достав из сумочки ключ, квакнула сигнализацией огромного чёрного «Хаммера», занимавшего добрую половину детской площадки.

Уши у Веспасиана Слесарева запылали. Он взял со скамейки свой планшет и – нога за ногу – побрёл к машине. Дама открыла перед ним дверь. Слесарев вскарабкался на заднее сиденье и сел, свесив ноги и понурясь. Дверца захлопнулась. Красная дама сердито посмотрела на Динку, но ничего не сказала. Обойдя машину, она села за руль, и огромный «Хаммер», сдав назад и фыркнув напоследок вонючим дымом, умчался со двора. Динка проводила его глазами.

– Вес... пас... пасьян... – бормотала она себе под нос. – Нет! Лучше уж, действительно, по фамилии...

– Динка! Эй, Динка!..

Динка обернулась. На углу дома стояли трое мальчишек и призывно махали руками. Динка подбежала.

– В футбол будешь? – спросил самый высокий и самый белобрысый из мальчишек; под мышкой он держал мяч. – А то нам как раз одного человека в команду не хватает.

– Буду! – решительно сказала Динка. – Ещё как буду!.. Только чур я не на воротах!..

Динка и лучик (маленькая сказка)

Динка проснулась оттого, что кто-то пощекотал ей в носу. Динка открыла глаза и увидела тонкий солнечный лучик, который пробивался из-за неплотно задёрнутой оконной портьеры.

– Привет! – сказал солнечный лучик. – Просыпайся, лежебока.

– Я не лежебока! – сердито ответила Динка. – Видишь, я на спине лежу.

Лучик засмеялся и опять пощекотал Динке в носу.

– Хулиган! – сказала Динка и повернулась на бок, спиной к окну.

Тогда лучик стал греть ей ухо.

– Ай!.. – сказала Динка, села в кровати и стала ощупывать свои уши. Левое ухо было, как ухо, – холодное, а вот правое было горячим и, наверное, очень красным.

– Ну вот! – расстроилась Динка. – Куда я теперь с разными ушами?!

Лучик не ответил. Динка обернулась. Лучик, уютно свернувшись, лежал на её подушке.

– Ах ты, хитрец! – рассердилась Динка. – Это ты меня специально с подушки сгонял, чтоб самому полежать?!

– Я ненадолго, – стал оправдываться лучик. – Только на пять минуточек. Знаешь, как я устал за утро! Столько дел уже переделал!

– Это какие такие дела? – подозрительно спросила Динка.

– Ну как же! – сказал лучик и начал загибать невидимые пальчики: – Во-первых, я позолотил верхушки тополей. Во-вторых, я разбудил птиц. В-третьих, я зажёл радуги в фонтанах поливальных машин. Ну и самое трудное – я прогнал туман с лужайки возле пруда. Знаешь, какой он был тяжёлый и ленивый! Никак не хотел уползать! Вот! – лучик даже немного запыхался, перечисляя все свои достижения.

– Ну ладно, – сказала Динка. – Тогда, действительно, полежи, отдохни. Всё равно мне надо... ну, в одно место... Только ты без меня никуда не уходи! Хорошо? Я быстро!..

Она соскочила с кровати и зашлёпала босыми ногами в коридор...

В квартире было тихо. Динка заглянула в спальню к родителям – в комнате никого не было, кровать была аккуратно застелена.

«Странно, – подумала Динка. – Где все? И почему меня никто не разбудил?.. Очень странно...»

Когда она вернулась к себе в комнату – лучика на подушке не было.

«Ну вот! – расстроилась Динка. – Ушёл... Не дождался».

Она подошла к окну, отёрнула штору и даже отступила на шаг – сто тысяч миллионов солнечных лучиков хлынули в окно, запрыгали по полу и по стенам, отразившись в зеркале, затанцевали на потолке, зажгли золотом рыбок в аквариуме.

– Привет!!! – наперебой кричали они. – А вот и мы!!! Как здорово!!! Ура!!! Лето!!!..

– Лето! – ахнула Динка и, схватив себя ладошками за щёки, от восторга запрыгала по комнате на одной ноге. – Лето! Лето! Лето! Как же я забыла?! КА-НИ-КУ-ЛЫ!!!..

Динка и блинчики

– Баба Нюра приезжает, – сообщила как-то мама папе за ужином. – Звонила, обещала быть в воскресенье.

– Надолго? – поинтересовался папа.

– Недели на две, – сказала мама. – А может, и на три. Мост едет делать.

– Это хорошо! – обрадовался папа. – Хоть присмотрит немного за этим пиратом в юбке...

Динка на «пирата в юбке» не обиделась. Она буквально на днях пересмотрела все серии «Пиратов Карибского моря» и полагала, что пираты – ребята хоть и шепутные, но вовсе не злые, а то, что они часто дерутся, так это не от злобы или вредности, а, как сказал Сева из сорок четвёртой: «от тяги к острым ощущениям».

Что же касается приезда бабы Нюры, то Динка пока не знала, радоваться этому или нет. После ужина Динка ушла в свою комнату и стала думать.

Вообще, бабушек у Динки было три.

Первую бабушку – мамину маму, Людмилу Сергеевну – и бабушкой-то, по большому счёту, назвать было нельзя: она носила джинсы, коротко стриглась и вела во Дворце спорта секцию фехтования.

Папину маму – бабушку Ольгу – Динка никогда не видела: та жила на Дальнем Востоке, на острове Сахалине, работала какой-то начальницей в морском порту и лишь время от времени, на праздники, присылала поздравительные открытки, в которых неизменно передавала привет «принцессе Диане».

Самой «правильной» бабушкой была баба Нюра – мама Людмилы Сергеевны. Баба Нюра с дедом Тарасом жили в деревне, километрах в ста от города, держали поросёнка, кур и козу Фросю. Дед Тарас на своих стареньких «жигулях» частенько навещал детей, всякий раз привозя из своей Сосновки каких-нибудь «экологически чистых» вкусностей: летом – клубнику-малину да огурчиков-помидорчиков, зимой – сала и домашней колбаски. Поэтому деда Тараса Динка знала хорошо, а вот бабу Нюру она совсем не помнила.

В гостях у бабы Нюры и деда Тараса, в Сосновке, Динка была только один раз – года три или четыре назад, и в памяти у неё от той поездки остались, собственно, только две вещи: бородатая бодливая коза Фрося, которая жила в сарае и которую Динка очень боялась, да удивительно вкусные бабушкины блинчики, которые баба Нюра пекла на огромной чёрной чугуновой сковороде. Блинчики у бабы Нюры получались что надо! Они были лоснящиеся, духмяные, ноздреватые и чуть-чуть пахли дымком. Их так прикольно было сворачивать в тоненькую трубочку, макать её в густую домашнюю сметану и потом, откусывая сметанный конец трубочки, жевать на полный рот.

И вот теперь баба Нюра приезжала в гости – «делать мост».

Динка, конечно, удивилась. Ну, во-первых, мостов в их городе и так было три, и Динка совершенно не понимала, зачем надо строить ещё один, четвёртый. И во-вторых, построить мост за две, ну, пусть даже и за три недели было делом совершенно нереальным. Вон, детскую площадку в соседнем дворе рабочие поломали ещё осенью, когда вздумали менять под ней трубы, и уже больше чем полгода не могли построить на её месте новую. А тут целый мост! Наверное, баба Нюра была каким-нибудь очень-очень выдающимся строителем. И Динка стала с нетерпением ждать бабушкиного приезда...

Баба Нюра оказалась большой – выше мамы и даже выше папы – и очень громогласной. Войдя, она, казалось, сразу же заполнила собой всю квартиру. У неё было широкое морщинистое лицо и большие загорелые кисти рук, торчащие из рукавов синей вязаной кофты. И голос у бабы Нюры оказался громким и зычным. «Командирский голос!» – с уважением подумала

Динка. От этого голоса даже слегка позванивала посуда в буфете. И Динка как-то сразу поверила, что вот как раз баба Нюра и способна построить мост за три, а может, даже и за две недели. С таким-то ростом да с таким голосом! Динка сразу нарисовала себе картину, где баба Нюра, как полководец, стоит на высоком берегу, над рекой, и без всякого мегафона командует большой стройкой; к берегу один за другим подъезжают доверху гружёные самосвалы, а множество рабочих и два огромных плавучих крана быстро-быстро возводят между берегами новый, удивительно красивый мост. От этих своих мыслей Динка поначалу даже немножко заробела и всё никак не осмеливалась подойти к бабе Нюре поздороваться. Но баба Нюра так ласково улыбнулась ей, так по-доброму протянула к ней свои большие руки, что вся Динкина робость сразу куда-то улетучилась, и Динка смело подошла к бабушке и обняла её. Несмотря на свой командирский голос, Баба Нюра была мягкая и тёплая, и какая-то... уютная, что ли. И пахло от неё очень уютно – тем самым, немножко горьковатым, блинным дымком.

– Баба Нюра, – окончательно осмелев, спросила Динка, подняв к бабушке лицо, – а ты напечёшь мне своих блинчиков?

Баба Нюра даже прослезилась.

– Вон оно как! – поворачиваясь к Динкиным родителям, растроганно сказала она. – Ведь такая кроха была, а ведь всё помнит!.. Напеку, Диночка, напеку, внучечка, обязательно напеку! Вот завтра, прямо с утра, и напеку... – и, опять включив свой командирский голос, от которого тоненько запели буфетные рюмки, строго спросила у Динкиной мамы: – Оксанка, у тебя мука в доме-то есть?!..

Проснувшись утром в понедельник, Динка сразу же почувствовала, что в квартире пахнет блинами. Она соскочила с кровати и побежала на кухню. И действительно, – баба Нюра, стоя у плиты, жарит блины. Правда, у мамы на кухне большой чугунной сковороды не оказалось, у неё была только маленькая тефлоновая, и блины от этого выходили маленькими и чуть бледноватыми, и сметана на столе была самая обыкновенная, магазинная, но блины у бабы Нюры всё равно получились очень вкусными. Динка слопала сразу семь штук и объелась так, что чуть доползла до дивана. Она думала, что наелась блинами надолго, но к вечеру ей блинов захотелось опять и она снова пошла к бабе Нюре.

– Конечно, напеку, деточка, конечно! – вновь умилилась баба Нюра.

Так что во вторник на завтрак Динка опять лопала блины.

По её просьбе баба Нюра пекла блины и в среду с утра, и в четверг.

А вечером в четверг к Динке в комнату заглянула мама.

– Динка, ты чего хулиганишь? – почему-то шёпотом спросила мама, оглядываясь на дверь.

– Я? Хулиганю? – тоже шёпотом удивилась Динка.

– Ну да! – мама села рядом с ней на диван и стала тихонечко нашёптывать в ухо: – Ты ж бабу Нюру совсем загоняла. Ты думаешь, это так просто – каждое утро блины печь? Это тебе не яичницу приготовить. Это ж тесто надо развести, разболтать, да каждый блинчик с двух сторон обжарить. А баба Нюра, она ведь уже старенькая. Это она с виду только грозная да шумливая. А так у неё и сердце часто прихватывает, и ноги болят – ей у плиты-то стоять тяжело. Так что, Динуль, ты прекращай бабу Нюру блинчиками тиранить. Она, конечно, вслух ничего не говорит, но я-то вижу – тяжело ей. Да и вообще, для нас, для женщин, мучного есть много вредно – от мучного толстеют. Ты ж не хочешь стать толстой, как бегемот?

– А что, разве бегемоты едят блины? – удивилась Динка.

– Нет, бегемоты блины не едят, – терпеливо сказала мама, – но те, кто ест много блинов, становятся похожими на бегемотов. Поняла?

Динка кивнула.

– Ну что, договорились мы с тобой? Не станешь больше бабу Нюру блинами напрягать?

– Не стану, – сказала Динка.

– Ну вот и хорошо! – обрадовалась мама. – Я знала, что ты у меня умница.

Она чмокнула Динку в нос и ушла. А через пять минут в комнату заглянула баба Нюра.

– Диночка, внучечка, тебе что завтра на завтрак приготовить? Опять блинчики?

Динка вздохнула.

– Нет, баба Нюра. Не надо блинчиков. Спасибо.

– А что так? Аль наелась блинчиками?

– Наелась, баба Нюра, – грустно сказала Динка.

– Ну и хорошо! – заулыбалась баба Нюра. – И хорошо!.. А чего тебе тогда? Чего хочешь?

Кашки, может, какой сварить? Аль яишенки пожарить?

Динка думала, наверное, целую минуту.

– Вот что, баба Нюра, – наконец сказала она, – сделай ты мне завтра... оладушков...

Динка и Троянская война

– Динка, ты куда?

– Я вас на улице подожду. Можно?

Мама на секунду оторвалась от зеркала и оглядела Динку.

– Можно. Только от подъезда ни на шаг. Поняла?

– Ага!.. – ответила Динка уже из-за двери.

– Зря, – сказал папа, выходя в коридор.

– Что зря?

– Полчаса во дворе, во всём нарядном, в белых колготках и с белым бантом. Зря.

– Каких ещё полчаса! – мама раздражённо дёрнула плечом. – Две минуты. Сейчас только губы подкрашу...

Папа с сомнением посмотрел на неё, но ничего не сказал...

Спустя десять минут (мама всё ещё стояла перед зеркалом) дверь тихонько приоткрылась и в квартиру проскользнула Динка. Мама посмотрела на неё и, охнув, уронила помаду на пол.

– Ди-инка-а!.. – потрясённо протянула она.

Выглянувший в прихожую папа тоже охнул и прислонился к косяку.

Вышедшая совсем недавно во двор нарядно одетой Динка сейчас выглядела следующим образом: красивый розовый костюмчик был помят и запачкан землёй, две пуговицы на курточке были вырваны «с мясом», белый пышный бант был размотан и болтался над правым плечом, белые колготки были грязно-серыми, одной туфельки не было вовсе, а вторую Динка держала в руке, бережно прижимая к груди.

– Однако!.. – оглядев разрушения, произнёс папа. – Дина, дочь моя... – но Динка не дала ему договорить.

– Я не виновата! – самым решительным образом заявила она. – Это всё они!

– Ну разумеется, – сказал папа.

– Нет, правда, – Динка сердито смотрела из-под мокрых ресниц. – Это всё Карась из девятнадцатой и Лёлик с Боликом. Я вам сейчас всё расскажу...

И она рассказала.

Выйдя во двор, Динка обнаружила там Лёлика с Боликом. Близнецы сидели на «паутинке», свесив ноги, и что-то жевали. Они всегда что-то жевали. Динка подошла, поздоровалась и, подумав, аккуратно залезла на «паутинку», усевшись напротив и тоже свесив ноги вниз.

Близнецы молча и удивлённо рассматривали Динкин наряд.

– Ты это чего такая? – наконец подозрительно спросил Лёлик (или Болик – Динка так пока и не научилась их различать).

– Чего вырядилась? – не менее подозрительно спросил Болик (или Лёлик).

– В гости я еду, – вздохнув, сообщила Динка. – К тётке Ларисе. Это мамина подруга. У неё сегодня день рождения. Сейчас папа с мамой выйдут, и мы пойдём.

– А-а... – облегчённо протянул Лёлик (Болик). – Понятно, – он ещё раз придирчиво оглядел Динкин наряд и наконец оценил: – Красиво.

– Клёво, – подтвердил и Болик (Лёлик), тоже оглядев Динку с головы до ног. – Особенно туфли.

Все посмотрели на туфли. Туфли действительно были хороши: красные, лакированные, с золотыми пряжками, на невысоком, но изящном каблучке. Туфли купили Динке всего три дня назад. Специально под тёткиларисин день рождения. Они были Динке немножко велики, но со стороны это было совсем незаметно. Лёлик (Болик) покопался в кармане и протянул Динке мятую ириску.

– Спасибо, – сказала Динка.

Болик (Лёлик) засопел, тоже полез в карман и тоже угостил Динку конфетой.

– Спасибо, – сказала Динка.

Некоторое время они молча жевали.

В это время из-за кустов вынырнул Витька Карасёв по кличке «Карась» и, ловко вскарабкавшись на «паутинку», протянул к Лёлику (Болику) испачканную ладонь:

– Дай чё жуёшь!

– Нету! – отрезал Лёлик (Болик), на всякий случай отодвигаясь на край «паутинки».

Карась повернулся ко второму брату.

– Нету, – сказал тот и в качестве подтверждения вывернул и показал Витьке пустой карман.

Карася во дворе не любили.

– Жлобы!.. – сказал Карась и длинно сплюнул вниз. – Жабы!.. Жадины-говядины!.. Толстопузы!..

Ругаться он мог долго.

Тогда Динка протянула Карасю оставшуюся ириску. Карась тут же замолчал, быстро сунул конфету за щёку и насмешливо посмотрел на близнецов. «Спасибо» он Динке не сказал. Близнецы засопели. Динке стало неловко. Чтобы скрыть эту неловкость она принялась мурлыкать себе под нос песенку и беззаботно болтать ногами и сделала это совершенно зря, потому что туфелька с левой ноги вдруг неожиданно соскользнула и упала вниз.

– Ой! – сказала Динка.

Карась заржал. Близнецы посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, соскочили вниз. Болик (Лёлик) поднял с земли туфельку, вытряхнул из неё песок и протянул Лёлику (Болику). Тот придирчиво оглядел её, подошёл и с важным видом надел на Динкину ногу.

– Спасибо! – прочувственно сказала Динка, потом подумала и добавила: – Большое спасибо! Вы – настоящие рыцари!

Про рыцарские доблести ей рассказывал папа.

– Лыцари! – тут же насмешливо отозвался Карась. – Ой, не могу! Два молодца упали с крыльца! – и снова заржал, но получилось это у него не смешно.

Близнецы молча вскарабкались обратно на «паутинку» и уселись по обеим сторонам от Динки. Динка повернулась к Лёлику (Болику) и торжественно пожала ему руку. Потом она повернулась к Болику (Лёлику) и потрясла его ладонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.